

II-36797р.

Колл. 4. 17. №37

X XI - Резерв

№ 27

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ ИСТОРИИ

ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ.

БИБЛИОТЕКА
 О-ва для достав. средствъ
 В. Ж. КУРСАМЪ.

405/97

(Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV.—Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ, М. Колловича.)

ГЕННАДІЯ КАРНОВА.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^я).

на Среднему бульвару.

1873.

Резерв

II-267279

НОВЫЙ ИСТОРИК

ИСТОРИЯ

ЗАДАЧА ИСТОРИИ

1873

Изданіе редакціи Православнаго Обозрѣнія.

Печатать позволяется. Москва, августа 31 дня 1873 г.
Цензорь Протоіерей С. Зерновъ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

ДЛЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ.

Архивъ юго-западной Россіи, часть I, томъ IV. Кіевъ. 1871 (845 стран.).
Исторія возсоединенія западно-русскаго униатовъ старыхъ временъ, соч.
М. Колловича, Сиб., 1873 г. (412 страницъ).

I.

Кіевская временная археографическая коммиссія для разбора древнихъ актовъ, учрежденная при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ, въ теченіе тридцатилѣтняго существованія напечатала цѣлый рядъ томовъ разнообразныхъ источниковъ, до исторіи юго-западной Россіи относящихся. Вслѣдствіе серьезнаго отношенія къ предмету, съ честію исполняя свое назначеніе, Временная коммиссія этими изданиями оказала очень много важныхъ услугъ отечественной исторіи.

Въ настоящее время предсѣдателемъ Временной коммиссіи состоитъ извѣстный южно-русскаго дѣятель г. Юзефовичъ, а однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ членовъ по изданію памятниковъ является г. Антоновичъ. Подъ редакціею послѣдняго издано нѣсколько томовъ Архива юго западной Россіи и въ томъ числѣ тотъ, который поставленъ нами въ заглавіи. Онъ заключаетъ въ себѣ акты объ униіи и состояніи православной церкви съ половины XVII вѣка (1648—1798 года).

Современный намъ историкъ литовской церковной униіи, въ заключеніе обзора своихъ источниковъ, пишетъ: «едва ли есть въ нашей церковной исторіи такое событіе, которое имѣло бы столько богатыхъ, разнообразныхъ и перѣдко превосходныхъ матеріаловъ и пособій, какъ литовская церковная униія.» Такъ

писалъ г. Кояловичъ въ 1839 году объ извѣстныхъ тогда источникахъ для исторіи уніи. Что же къ этому громадному матеріалу прибавила теперь новаго Временная коммиссія, издавши передъ этимъ весьма важные источники для того же предмета?

Разбираемый нами томъ Архива юго-западной Россіи состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ предисловіе, на 99 страницахъ, написанное г. Антоновичемъ; вторая же — собственно документы, на 649 страницахъ. Кромѣ того, въ концѣ тома перепечатаны всѣ довольно подробныя заглавія актовъ и еще составлены два указателя личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ нихъ. Всѣхъ номеровъ актовъ напечатано 239; подъ каждымъ номеромъ печаталось только по одному документу. Документы изданы въ хронологическомъ порядкѣ; всякую же другую связь между ними предоставляется возстановлять изслѣдователю, что впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не особенно затруднительно.

Такъ какъ на первомъ планѣ въ четвертомъ томѣ первой части Архива юго-западной Россіи стоитъ предисловіе г. Антоновича, то и мы, прежде чѣмъ говорить о самыхъ актахъ, скажемъ нѣсколько словъ о предисловіи къ нимъ. Въ изданіяхъ Временной коммиссіи, особенно за послѣднее время, принято почти за обычай — къ каждому выходящему вновь тому Актовъ присоединять дѣльныя изслѣдованія или обширныя предисловія, имѣющія своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ эти же самые акты. Такой обычай, сознаемся, намъ не совсѣмъ понятенъ. Документы издаются на вѣчное пользованіе ученыхъ и тому подобныхъ дѣятелей, слѣдовательно имѣютъ право на увѣковѣченіе; но почему имѣютъ такое же право произведенія членовъ Временной коммиссіи? Полагаемъ, что дѣйствительно замѣчательныя изслѣдованія и безъ чьей либо рекомендаціи увѣковѣчатся. Да къ тому же развѣ не можетъ случиться, что сочиненія членовъ Временной коммиссіи будутъ принадлежать къ разряду такихъ, которымъ въ интересахъ науки лучше было бы и не появляться на свѣтъ?

Мы совсѣмъ не утверждаемъ того, что при изданіяхъ историческихъ источниковъ не слѣдуетъ печатать никакихъ предисловій. Напротивъ, полагаемъ, что предисловія нужны и въ нихъ необходимо объяснить прежде всего, откуда заимствованы документы, то есть изложить, такъ-сказать, исторію издаваемыхъ ис-

точниковъ. Это нужно дѣлать помимо того, что въ нашихъ изданіяхъ памятниковъ обыкновенно печатается въ примѣчаніяхъ къ каждому отдѣльному документу; это послѣднее есть частная исторія актовъ. Затѣмъ, пожалуй, необходимо кратко объяснить отношеніе вновь издаваемыхъ источниковъ къ тѣмъ однороднымъ, которые были прежде кѣмъ-либо изданы. Наконецъ, можно въ предисловіи указать и поводъ къ изданію извѣстныхъ документовъ; такъ какъ бываетъ, что собраніе источниковъ издается по извѣстному случаю. Напримѣръ, что особенно относится къ исторіи западной Россіи, — когда въ обществѣ распространяются какія-либо лживыя историческія понятія, вызванныя чисто политическими современными цѣлями, то для уничтоженія этого издаются подлинныя документы объ искажаемомъ историческомъ вопросѣ. Также въ предисловіи къ актамъ слѣдуетъ объяснять тѣ техническія правила (если объ этомъ прежде гдѣ-нибудь не было сказано), которыхъ держатся издатели, то есть, напримѣръ, цѣликомъ ли печатаются документы или въ сокращеніи и въ какомъ сокращеніи и т. п. Но обо всемъ этомъ слѣдуетъ говорить кратко, потому что документы лучше всякаго предисловія сами за себя скажутъ.

Какого же рода написалъ предисловіе г. Антоновичъ къ изданнымъ имъ актамъ объ униіи и состояніи юго-западной православной церкви? Ничего подобнаго тому, что мы находимъ возможнымъ говорить въ предисловіи къ издаваемымъ вновь актамъ, нѣтъ въ сочиненіи г. Антоновича. У него, правда, встрѣчаемъ въ предисловіи нѣкоторыя ссылки на другія сочиненія и собранія источниковъ объ униіи, съ помощію чего можно опредѣлить отношеніе теперь изданныхъ источниковъ къ тѣмъ, которые были прежде изданы и извѣстны исследователямъ. Но такъ какъ эти ссылки довольно случайны и сдѣланы авторомъ совсѣмъ съ другою цѣлію, то мы и не рѣшаемся ими воспользоваться вполне. Для опредѣленія же характера предисловія г. Антоновича приведемъ его начало; здѣсь читаемъ: «успѣхъ церковной униіи, задуманной польскимъ правительствомъ, руководимымъ іезуитами и католическою клерикальною партіею, и провозглашенной на Брестскомъ соборѣ 1596 года, былъ рассчитанъ исключительно съ католической точки зрѣнія. Проводившая унию партія полагала, что достаточно заручиться содѣйствіемъ выс-

шей церковной іерархіи православной церкви для того, чтобы религиозное нововведеніе прочно установилось въ русскіхъ областяхъ Рѣчи Посполитой. По привычкѣ къ строгой іерархической централизаціи и къ пассивному повиновенію въ дѣлахъ вѣры низшихъ членовъ іерархіи — высшимъ, и мірянъ — духовнымъ властямъ, ультра-католическая партія надѣялась легко сломить православіе при содѣйствіи православныхъ епископовъ и митрополита; вслѣдствіе такого взгляда всѣ усилія короля, вліятельныхъ дворянъ — ревнителей католицизма, и іезуитовъ направлены были исключительно на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ членовъ высшей іерархіи православной церкви; какъ только усилія эти привели къ желаемой цѣли, какъ только большинство іерарховъ православныхъ, прельстившись обѣщаніями всевозможныхъ благъ или уступая грубому насилію, изъявило соглашеніе на принятіе церковной уніи — послѣдняя была провозглашена на Брестскомъ соборѣ, причемъ мнѣнія у низшаго духовенства и мірянъ и не спрашивали и на заявленія съ ихъ стороны не обращали малѣйшаго вниманія.» И такъ далѣе, — идетъ выясненіе взглядовъ автора. Въ концѣ же предисловія находимъ, что послѣ уничтоженія Рѣчи Посполитой уніатская церковь, «никому уже теперь не нужная, никѣмъ не поддерживаемая въ качествѣ политическаго орудія, наконецъ оцѣнила всю неловкость своего положенія, всю внутреннюю ничтожность свою: ее постигла обычная судьба тѣхъ ученій, которыя возникаютъ не на основаніи самостоятельно выработанныхъ принциповъ и глубоко запавшаго въ душу убѣжденія, а складываются искусственно, эклектическимъ путемъ, изъ отрывковъ и клочковъ чужихъ мыслей и убѣжденій. Въ текущемъ уже столѣтіи уніатское духовенство принесло соборную просьбу русскому правительству о разрѣшеніи ему воссоединиться съ православіемъ.» Всѣ подобные выводы и взгляды г. Антоновича давно извѣстны и гораздо лучше развиты другими писателями; всѣ они, можетъ быть, вполне согласны съ истиной, только излагать ихъ слѣдовало бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ предисловіи къ актамъ.

Предисловіе г. Антоновича нельзя назвать съ фактической стороны и полнымъ очеркомъ исторіи уніи. Оно является только изложеніемъ общеизвѣстныхъ главныхъ фактовъ исторіи уніи съ подробнымъ дополненіемъ къ нимъ частныхъ, встрѣчаемыхъ въ

изданныхъ авторомъ актахъ. Каждый, прочитавши это предисловіе, полагаемъ, согласится съ нами въ томъ, что оно можетъ быть довольно любопытно, написано рукою опытною въ составленіи подобныхъ сочиненій, но имѣетъ самый временный характеръ. Его мѣсто въ какомъ нибудь повременномъ изданіи, желающемъ познакомить своихъ читателей съ содержаніемъ источниковъ объ уніи, которые вновь издала Временная коммиссія.

Впрочемъ, сами мы на основаніи этихъ источниковъ не будемъ писать подобнаго обзора исторіи уніи, а вмѣсто этого постараемся въ немногихъ словахъ объяснить, какіе именно документы, относящіеся къ исторіи уніи и юго-западной церкви, изданы теперь въ четвертомъ томѣ первой части Архива юго-западной Россіи.

Редакторы Архива заимствовали акты для изданія изъ двухъ источниковъ. Первымъ служило собраніе документовъ, принадлежащее Временной коммиссіи. Къ сожалѣнію, кромѣ этого указація въ примѣчаніяхъ къ документамъ, за весьма немногими исключеніями, не сказано, откуда акты поступили въ это собраніе. А между тѣмъ такое указаніе имѣло бы значеніе и со временемъ явилось бы своего рода историческимъ извѣстіемъ. Вторымъ источникомъ для разбираемаго нами тома Архива юго-западной Россіи служили подлинныя градскія книги, какъ-то: жиитомирскія, овручскія, луцкія, кременецкія, кіевскія, каменецъ-подольскія и т. п. Въ эти градскія книги, какъ извѣстно, во времена Рѣчи Посполитой заносились для записи довольно разнообразныя документы.

По содержанію документы, заимствованные для изданія изъ принадлежащаго Временной коммиссіи собранія, такого рода. Подъ 1[№] помѣщено письмо Иннокентія Гизеля къ слуцкому братству съ извѣщеніемъ о выѣздѣ митрополита въ Варшаву и съ разрѣшеніемъ свящ. Іакову священнодѣйствовать, согласно прошенію братства, до возвращенія митрополита, отъ 25 іюня 1648 года. Затѣмъ слѣдуютъ: гетманскіе универсалы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, митрополичьи распоряженія, царскія пожалованныя грамоты монастырямъ и т. п. Всѣ эти документы по преимуществу касаются церковныхъ имѣній. Далѣе встрѣчаемъ рядъ документовъ, относящихся къ борьбѣ православныхъ съ уніатами: они говорятъ о мѣрахъ, къ которымъ прибѣгали уніаты для подчиненія себѣ

южно-русского народа, о враждебной дѣятельности противъ православія Іосифа Шумлянскаго: здѣсь находимъ его предложенія правительству и записки о томъ, какимъ способомъ должно дѣйствовать для извѣстныхъ цѣлей, какъ нужно до времени скрывать переходъ въ унию представителей іерархіи, о постепенномъ приготовленіи къ униіи низшаго духовенства и народа, просьбы о правахъ и льготахъ для униатовъ и т. д. Въ этомъ же разрядѣ документовъ находимъ: объѣтъ, данный кн. Сильвестромъ Четвертинскимъ при рукоположеніи его въ санъ епископа бѣлорусскаго, что онъ обязуется ревностно исполнять епископскія обязанности, блюсти чистоту православной вѣры и не уклоняться отъ зависимости кievскаго митрополита; далѣе—письмо кievскаго митрополита къ русскому посланнику въ Варшавѣ съ жалобой, что православный бѣлорусскій епископъ присоединяеть къ своей епархіи слущій новѣтъ, составляющій часть епархіи кievской; перечисленіе православныхъ церквей и монастырей, насильственно обращенныхъ въ унию, и т. д.

Документы, заимствованные изъ градскихъ книгъ, довольно многочисленны. Среди ихъ встрѣчаемъ рядъ документовъ, касающихся того же Іосифа Шумлянскаго: о введеніи имъ униіи, о незаконныхъ его дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи, каково, напримѣръ, разрѣшеніе двоюединцу священнодѣйствовать вслѣдствіе изъявленія имъ покорности предъ епископскою властію. Документы, относящіеся къ борьбѣ епископа Діонисія Жабокритскаго сначала съ униатами, а потомъ съ православными, когда онъ перешелъ въ унию, вслѣдствіе непризнанія его кievскимъ митрополитомъ въ епископскомъ санѣ (былъ прежде женатъ на вдовѣ). Есть нѣсколько документовъ объ епископѣ Кириллѣ Шумлянскомъ, племянникѣ извѣстнаго униата, оказавшемся ревностнымъ православнымъ: сначала о покровительствѣ короля, а потомъ о запрещеніи оказывать ему повинновеніе за то, что онъ отправился въ Кіевъ поставляться; наконецъ встрѣчаемъ правительственныя распоряженія о покровительствѣ униатамъ, напримѣръ—жалованныя грамоты монастырямъ на имѣнія, принадлежація кievскимъ православнымъ монастырямъ.

Среди всѣхъ документовъ, изданныхъ въ разбираемомъ нами томѣ Архива юго-западной Россіи, особенно много встрѣчается съ извѣстіями о безобразныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ униа-

товъ къ православнымъ и католиковъ къ уніатамъ. Таковы: жалоба православнаго священника на нѣкоторыхъ дворянъ, что они напали на него на дорогѣ, расхитили деньги, документы и церковныя вещи и нанесли побой его женѣ; жалоба священника, что жолнеры напали на церковь и ограбили вещи, хранившіяся въ ней; жалоба управляющаго монастырскимъ имѣніемъ на захватъ дворяниномъ доходныхъ статей имѣнія; жалоба игумена на дворянина, что послѣдній напалъ на еврея, арендатора монастырскаго имѣнія, избилъ его, жену, а сына водилъ на веревкѣ и т. п. Но среди этого рода документовъ находимъ извѣстія и о болѣе крупныхъ шляхетскихъ безобразіяхъ: дворяне православныхъ монахинь раздѣвали донага и въ такомъ видѣ выгоняли изъ монастыря; или образъ Спасителя топтали ногами, кололи ножами, таскали по улицамъ, приговаривая: «схизматическій Боже! неужели ты не вступишься за свою обиду!» Здѣсь же встрѣчаемъ, что и православные иногда отвѣчали насильникамъ соответствующими дѣйствіями, на примѣръ грозили, что убьютъ ксендза, если онъ насильно будетъ служить обѣдню въ церкви; или, пасынокъ и племянникъ Діонисія Жабокритскаго, пользуясь пребываніемъ въ польскихъ владѣніяхъ русскихъ войскъ, захватили его самого въ луцкомъ замкѣ, и оскорбивши всячески, хотѣли его, какъ предателя православія, отправить въ ссылку въ Россію (куда онъ наконецъ и попалъ и тамъ умеръ). Извѣстія о насиліяхъ католиковъ надъ уніатами — такого же рода, какъ и о насиліяхъ надъ православными: жалуется Иосифъ Шумлянскій на нѣкоторыхъ дворянъ, что они напали на него, ворвались въ баню, гдѣ епископъ отдыхалъ, ругали, и одного изъ уніатскихъ священниковъ, бывшихъ при этомъ, прибили; или, Лявцгородскій для потѣхи зазвалъ къ себѣ уніатскаго протопопа и передъ обѣдней, приставивши саблю къ горлу, напилъ водкой, и потомъ велѣлъ своимъ слугамъ отвести протопопа въ шиннокъ и опять поить насильно и т. п.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе вновь изданныхъ Временной комиссіей документовъ, относящихся до исторіи церкви. Изъ ссылокъ въ предисловіи г. Антоновича, а также и изъ примѣчаній къ актамъ узнаемъ, что нѣкоторые изъ этихъ документовъ были прежде уже извѣстны и напечатаны, на примѣръ, въ сочиненіи Величка и въ приложеніяхъ ко второму тому

«Литовской церковной унии», г. Кояловича. Впрочемъ такихъ документовъ немного, и къ тому же, какъ видно, они изданы вновь Временной комиссiей или по подлинникамъ или по лучшимъ спискамъ.

Теперь на основанiи сейчасъ изложеннаго и безъ ссылокъ г. Антоновича можно прямо сказать, что акты четвертаго тома первой части Архива юго-западной Россiи не представляютъ собой полнаго свода источниковъ ни для какого времени или событiя въ исторiи церкви. Обнимая своимъ содержанiемъ полтора вѣка, эти разнообразныя документы ясно показываютъ, что они изданы потому, что въ распоряженiи Временной комиссiи ихъ накопилось довольно много, а по содержанiю нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ важный научный интересъ. Акты разбираемаго нами тома Архива являются дополненiемъ къ источникамъ для исторiи унии и юго-западной церкви, прежде изданнымъ и извѣстнымъ изслѣдователямъ.

Вслѣдствiе этого, оставивъ все прочее въ сторонѣ, скажемъ теперь о способѣ изданiя документовъ, который мы замѣчаемъ въ четвертомъ томѣ первой части Архива юго-западной Россiи.

Встрѣчаемые здѣсь документы почти всѣ — по происхожденiю документы официальные и всѣ напечатаны цѣликомъ. Этому послѣднему приему изданiя документовъ нельзя вполне сочувствовать. Всѣ официальные документы, однородныя между собою, пишутся, какъ извѣстно, одинаковымъ образомъ, по установленной формѣ. Эта форма тѣмъ болѣе преобладаетъ въ такихъ документахъ, каковыми являются записи градскихъ книгъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ рядъ официальныхъ фразъ, повторяющихся въ каждомъ документѣ. А поэтому, кажется, можетъ возникнуть вопросъ: къ чему эти фразы перепечатывать при каждомъ документѣ сполна? Что мы говоримъ не безъ основанiя, укажемъ на одинъ примѣръ. Каждая запись градскихъ книгъ начинается такъ: «такого-то года, такого-то мѣсяца и числа, на урядѣ градскомъ, въ замку его королевской милости такомъ-то, предо мною такимъ-то, намѣстникомъ градскимъ, ставъ съ очей на очи панъ такой-то и панъ такой-то, въ книги нынѣшнiя градскiя такiя-то подали такой-то привилiи отъ его королевской милости и рѣчи посполитой, за печатью такой-то и съ подписью руки его королевской мило-

сти, данный и служачей, о чемъ тотъ привиліи пространнѣе въ себѣ изъясняетъ, просячи, чтобы принято и въ книги вписано было, который я такой-то, для вписанія въ книги принимаючи, предъ собою чести велѣлъ, который такъ въ себѣ содержитъ.» Затѣмъ уже идетъ изложеніе самаго документа слово въ слово и потомъ по окончаніи его слѣдуютъ такія фразы: «и я тотъ привиліи за подашемъ и просьбою вышепоименованныхъ, а за моимъ урядовымъ принятіемъ, до книгъ нынѣшнихъ градскихъ такихъ-то есть слово въ слово вписанъ.» Разнятся эти официальные фразы при различныхъ документахъ весьма не во многомъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что и въ самомъ текстѣ документа можно кой-что пропускать, напримѣръ подробные титулы государей. Полагаемъ, что всѣ указанные фразы документовъ, исключая собственныхъ именъ и годовъ, можно опускать въ изданіи. Внутреннее содержаніе документа отъ такихъ сокращеній нисколько не пострадаетъ; притомъ въ примѣчаніяхъ къ каждому акту редакторы Архива считаютъ же необходимымъ упомянуть то, что при теперешнемъ способѣ изданія изъ самаго документа и безъ того достаточно видно, — что документъ заимствованъ изъ такихъ-то книгъ. Можно къ этому, пожалуй, еще прибавить, въ двухъ-трехъ словахъ, указаніе годовъ и именъ. Документы издаются для ученыхъ; а они, зная, что въ каждомъ актѣ пропущено, всегда могутъ, по одному или двумъ оставленнымъ образцамъ, возстановить, если нужно, недостающее.

По поводу сокращеній при изданіи документовъ сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Полагаемъ, что совершенно однородные по содержанію документы можно и не всѣ печатать. Такъ напримѣръ въ разбираемомъ нами томѣ Архива довольно много документовъ, содержаніе которыхъ состоитъ въ извѣстіяхъ о шляхетскихъ безобразіяхъ. Подобные факты однообразны и такъ давно хорошо извѣстны, что наполнять ими томы актовъ не стоитъ. Достаточно для образца напечатать ихъ нѣсколько и при этомъ, пожалуй, дѣлать ссылки, что въ такихъ-то градскихъ книгахъ, тамъ-то и тамъ-то, находятся записи о подобныхъ же оскорбленіяхъ, которыя терпѣли православные отъ враговъ ихъ исповѣданія. Если же найдется между изслѣдователями такой любопытный, что не удовлетворится уже извѣстнымъ, онъ можетъ и самъ по указаннымъ ссылкамъ навести необходимыя для него справки.

Итакъ, еслибы изъ документовъ выкинуть при изданіи указанныя официальныя фразы, на каждый документъ, положимъ круглымъ счетомъ, по десяти строчекъ, да къ этому не печатать десятка два документовъ однородныхъ по содержанію, то разбираемый нами томъ Архива юго-западной Россіи значительно бы сократился въ объемѣ. Но если еще къ этому предисловіе г. Антоновича вмѣсто 99 страницъ написать на двухъ-трехъ (мы уже здѣсь не говоримъ о дважды напечатанныхъ подробныхъ оглавленіяхъ актовъ), то, пожалуй, этотъ томъ сократится и на половину.

II.

Если акты четвертаго тома первой части Архива юго-западной Россіи являются дополненіемъ къ прежде изданнымъ и извѣстнымъ источникамъ, относящимся до исторіи церкви, то сочиненіе г. Кояловича, къ которому мы теперь обращаемся, обнимаетъ своимъ содержаніемъ, по отношенію къ описываемому имъ времени, не только источники прежде изданные, но и впервые открываетъ читателю цѣлый рядъ новыхъ.

Въ «Литовской церковной униѣ» г. Кояловичъ имѣлъ въ виду изложить исторію введенія униѣ, борьбу и отношеніе къ ней западно-русской православной церкви до начала (включительно) XVIII столѣтія; заглавіе новаго его труда «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ» всего яснѣе показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду при составленіи его: оно является продолженіемъ предшествующихъ работъ г. Кояловича по исторіи униѣ.

Уже давно, въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ втораго тома «Литовской церковной униѣ» (вышелъ въ 1861 году), а особенно при ссылкахъ на дѣла униатскихъ архивовъ, хранящихся при св. Синодѣ, г. Кояловичъ обѣщалъ, что интересныя извѣстія этихъ документовъ будутъ изложены въ третьемъ томѣ его труда. Въ этомъ третьемъ томѣ авторъ, какъ видно, предполагалъ изложить внутреннюю исторію униатской церкви и ея отношенія къ латинству. Это обѣщаніе покуда не исполнено; въ вышедшемъ же въ нынѣшнемъ году сочиненіи г. Кояловича оно снова повторяется. Мы заговорили объ этомъ предметѣ потому, что въ русской исторической литературѣ чувствует-

ся недостатокъ полной исторіи собственно униатской церкви. Хотя и были попытки удовлетворить этой потребности (см. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1871 годъ, кн. 1 и 2 — «Очерки униатской церкви», соч. г. Крачновскаго), но такъ какъ они далеко не доведены до конца, то и будемъ надѣяться, что это сдѣластъ г. Кояловичъ. Ему всего легче составить подобное сочиненіе, потому что никто такъ серьезно не работалъ надъ исторіей униіи и никто въ такой степени не ознакомился съ ея источниками. Но обратимся къ новому его труду. Событія, которыя объимаетъ «Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ», сосредоточиваются главнымъ образомъ на царствованіи императрицы Екатерины II. Въ этомъ сочиненіи сначала описывается состояніе православной церкви въ польскихъ владѣніяхъ передъ первымъ раздѣломъ, то есть въ то время, когда казалось, что униа совсѣмъ уже поглотила тамъ православіе. Тогда во всей западной Россіи былъ только одинъ православный епископъ, извѣстный Георгій Конисскій бѣлорусскій, а еще православіе довольно твердо отстаивало свое существованіе на родинѣ Богдана Хмельницкаго, около Чигирина и по правому берегу Днѣпра, на югъ отъ Кіева, поддерживаемое мѣстными монастырями. Такая побѣда униіи была впрочемъ только видимая, а въ дѣйствительности всегда твердые въ православіи малороссіане были по прежнему строго православными и также были не прочь, по примѣру стараго батьки, стряхнуть навязанное имъ иго при помощи огня и меча. Они тогда были доведены до того, что готовы были составлять гайдамацкія шайки, а учителей для этого взять изъ знаменитаго Запорожья. Эти же послѣдніе не задумывались, для привлеченія на свою сторону всего народа, прибѣгать къ старымъ казацкимъ шалостямъ, къ игрѣ въ самозванца (уманская рѣзня и золотая грамота императрицы Екатерины II, будто бы разрѣшающая бунтъ противъ поляковъ). Конечно, такой ложный путь не могъ привести къ желанной цѣли; русское же правительство, на которое бунтовщики надѣялись, должно было подавить возстаніе. Но былъ еще другой путь, также давно указанный: за законною защитой отъ притѣсненій въ дѣлахъ вѣры обращаться къ тому же русскому правительству, которое вмѣшиваться съ этой стороны во внутреннія дѣла Польши давно приобрѣло себѣ право. Покрови-

тельствующее правительство не отказалось от своей вѣковой задачи и только предпочитало исполнить свои обязанности сколько возможно въ законныхъ формахъ. Съ выжидательнымъ положеніемъ страдающимъ отъ гоненій, въ моментъ самыхъ гоненій, не такъ то легко было мириться; но и народъ выдержалъ, и русское правительство, руководимое великой Екѣтеринной, достигло своей цѣли. Гнилая Рѣчь Посполитая была подѣлена и русскія области вошли въ составъ русскаго царства.

Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ русскіе освобождались отъ польскаго владычества, безъ всякихъ принужденій со стороны русскаго правительства, которое напротивъ старалось сдерживать излишнюю ревность нѣкоторыхъ, а также и безъ особыхъ трудовъ православнаго духовенства, котораго тогда чувствовался въ западной Россіи крайній недостатокъ, оказалось, что тамъ, гдѣ унія была, повидимому, тверда, она безъ всякихъ гоненій сама собою исчезла. Такъ вдругъ почти вся Малороссія оказалась въ православіи. Что же касается Бѣлороссіи, то мы здѣсь приведемъ изъ многочисленныхъ весьма интересныхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Кояловичемъ, только нѣсколько цифръ. Онъ пишетъ, что когда Синодъ потребовалъ отъ Георгія Конисскаго и Иннокентія псковскаго (часть прежней Бѣлороссіи, послѣ раздѣленія на губерніи, отошла къ псковской епархіи), сколько присоединилось къ православію, то оказалось, что у Георгія:

въ 1781 году присоединилось	83,069	человѣкъ
— 1782 —	17,829	—
— 1783 —	9,680	—
У Иннокентія:		
въ 1781 году	4,402	человѣка
— 1783 —	181	—
Итого	117,161	человѣкъ.

Г. Кояловичъ при этомъ замѣчаетъ: «число это далеко не выражаетъ количества присоединенныхъ. Георгій собиралъ эти свѣдѣнія торопливо. Онъ прямо говорилъ въ донесеніи Синоду, что по новости дѣла трудно представить точныя свѣдѣнія, потому что священники не имѣютъ записей. Въ число это, по всей вѣроятности, не вошли особенно тѣ, которые по одиночкѣ и

давно уже перешли въ православіе... Къ Георгію приходили толпы народа просить о присоединеніи. Заявленія эти были такъ убѣдительно, что Георгій самъ просилъ, чтобы правительство посылало чиновниковъ удостовѣряться, что просящіе о присоединеніи дѣйствительно добровольно просятъ объ этомъ. Далѣе, постепенно уменьшавшееся число присоединенныхъ никакъ не говоритъ въ пользу того мнѣнія, что присоединяли насильно, а напротивъ можетъ подтверждать многократныя заявленія Георгія, что присоединеніе задерживалось польскими помѣщиками и что безъ этой задержки не осталось бы (въ Могилевской области) ни одной униатской церкви, или доказываетъ, что присоединеніе стало доходить до своихъ естественныхъ границъ».

Пересчитывать все новое, встрѣчаемое въ книгѣ г. Кояловича, сверхъ того, что было прежде извѣстно, мы не станемъ. Причина тому та, что пришлось бы привести содержаніе значительной части его книги. Желającychъ познакомиться съ цѣлымъ рядомъ весьма интересныхъ новыхъ историческихъ данныхъ о церковныхъ дѣлахъ западной Россіи того времени, объ ухищреніяхъ представителей униі удержать подъ собою почву, которая начала страшно колебаться подъ ихъ ногами и т. п., мы отсылаемъ прямо къ сочиненію г. Кояловича. Достоинства этой книги заключаются главнымъ образомъ въ обиліи новыхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, и въ его умѣнны опытною рукою выбирать изъ нихъ драгоцѣнныя извѣстія.

Во введеніи къ своему сочиненію г. Кояловичъ пересчитываетъ источники и пособія. Сначала указываются извѣстныя русскія изданія памятниковъ и изслѣдованія, относящіяся по содержанію къ эпохѣ польскихъ раздѣловъ, а затѣмъ авторъ пишетъ: «наше сочиненіе основано, кромѣ печатныхъ памятниковъ, еще на дѣлахъ: 1) архива св. Синода; 2) архива униатскихъ митрополитовъ (хранящихся въ св. Синодѣ); 3) архива греко-униатской коллегіи; 4) архива канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и 5) на памятникахъ, доставленныхъ частными лицами.» Если о западно-русскихъ источникахъ для исторіи униі, не вошедшихъ въ составъ сейчасъ указанныхъ архивовъ, можно уже сказать, что они если и неполнѣ разработаны, то при всей многочисленности въ значительной мѣрѣ истощены: то напротивъ дѣла синодскихъ архивовъ являются вполне новостію. Они не только

даютъ возможность взглянуть на предметы съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ, но даже среди всѣхъ источниковъ уніи играютъ роль главныхъ. По нимъ непосредственно можно узнать, что руководило дѣятелями уніи и противниками ея. Притомъ, судя по многочисленнымъ ссылкамъ г. Кояловича на эти дѣла и общанію другаго труда, основаннаго на этихъ же непосредственныхъ источникахъ, можно заключить, что громадное богатство ихъ мы еще не можемъ исполнѣ себя и представить.

III. Кояловичъ заявляетъ, что «не достанетъ цѣлой жизни для изученія только первоисточниковъ исторіи уніи». Позволяемъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ ученымъ, или въ противномъ случаѣ заявляемъ, что уже никакой жизни не хватитъ для изученія первоисточниковъ исторіи Малороссіи, часть которой составляетъ и исторія уніи, а предпріятія въ родѣ «Исторіи государства російскаго» или «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» нужно считать нелѣпостію. Для изученія источниковъ исторіи уніи настолько, чтобы получить способность легко съ ними управляться при изслѣдованіи, нужно много труда и времени, но далеко не цѣлая жизнь.

Подъ первоисточниками исторіи уніи г. Кояловичъ, какъ видно, подразумѣваетъ то громадное количество достовѣрныхъ и важныхъ источниковъ, которые служили ему главными въ его «Литовской церковной уніи» и въ «Исторіи возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ». Эти же источники служатъ основными и для другихъ ученыхъ, разрабатывающихъ исторію уніи. Всѣ эти источники въ числу которыхъ принадлежатъ въ большей своей части и встрѣчаемые нами въ разобранномъ выше томѣ Архива югозападной Россіи, всѣ эти источники по происхожденію преимущественно чисто церковные. А между тѣмъ во времена уніи дѣла церковныя были особенно тѣсно связаны съ дѣлами политическими. На недостаточную внимательность къ этой сторонѣ исторіи уніи указано г. Кояловичу еще прежде насъ.

Во время защищенія диссертациі г. Кояловичемъ «Исторіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ» — доктор-

ская диссертация г. Кояловича), какъ читаемъ въ одномъ изъ отчетовъ объ этомъ диспутѣ, было сдѣлано докторанту замѣчаніе, что онъ въ своемъ сочиненіи, имѣя «въ виду одну религіозную сторону дѣла, совсѣмъ опустилъ изъ виду другую важную сторону, имѣвшую немаловажное значеніе въ исторіи уни— сторону политическую». На это г. Кояловичъ отвѣчалъ, «что онъ не придаетъ особеннаго значенія дипломатіи въ исторіи Польши вообще и въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ въ частности, что дипломаты слишкомъ преувеличиваютъ значеніе своей дѣятельности и что онъ старался стереть покрывающіи исторію воссоединенія униатовъ *дипломатическій слой*, чтобы увидѣть ее въ настоящемъ видѣ». Мы вполне согласны съ г. Кояловичемъ въ томъ отношеніи, что не дипломаты раздѣлили Польшу и т. п.; Польша сама себя погубила, а униаты сами воссоединились.

Мы заговорили объ этомъ предметѣ на томъ основаніи, что хотя дипломаты и генералы не воссоединяли униатовъ, но извѣстія документовъ, имъ принадлежащихъ, никакъ нельзя игнорировать при разработкѣ исторіи униі. Мало того: можно сказать даже, что извѣстія церковныхъ источниковъ будутъ односторонни и не совсѣмъ понятны безъ провѣрки ихъ обильными извѣстіями источниковъ политическихъ. А эти послѣдніе сохранились и, что замѣчательно, ученая разработка исторіи униі началась у насъ именно съ опубликованія извѣстій этихъ политическихъ источниковъ.

Скажемъ объ этомъ предметѣ нѣсколько подробнѣе. Сочиненіе объ исторіи униі, основанное главнымъ образомъ на источникахъ политическихъ, принадлежитъ Бантышъ-Каменскому-отцу и носить такое заглавіе: «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі съ показаніемъ начала и важнѣйшихъ, въ продолженіи оной чрезъ два вѣка, приключеній, паче же о бывшемъ отъ римлянъ и униатовъ на благочестивыхъ тамошнихъ жителей гоненіи, по высочайшему блаженной памяти императрицы Екатерины II повелѣнію, изъ хранящихся государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскомъ архивѣ актовъ и разныхъ историческихъ книгъ 1795 года собранное» (Москва, 1805 года; второе изданіе, Вильно, 1866 года). Объ этомъ сочиненіи г. Кояловичъ въ обзорѣ источниковъ для перваго тома «Литовкою церковной униі» говоритъ: «книга Бантышъ-Каменскаго надолго еще

останется любимую у каждого изслѣдователя униі. Богатство матеріаловъ, особенно русскихъ, изложенныхъ здѣсь съ большимъ знаніемъ дѣла, всегда будетъ хорошо и достойно вниманія... Послѣ Бантышъ-Каменскаго прошло слишкомъ полстолѣтія и никто у насъ не восполнилъ его труда, хотя обстоятельства настоятельно этого требовали». Въ концѣ же втораго тома «Литовской церковной униі» читаемъ: «трудолюбивый и добросовѣстный Бантышъ-Каменскій собралъ документы этого ужаснаго времени съ такою тщательностію, которая, безъ сомнѣнія, не скоро уступитъ мѣсто другой. Мы и отсылаемъ къ его сочиненію читателей, желающихъ знать побольше фактовъ этого рода».

Н. Н. Бантышъ-Каменскій былъ преемникомъ знаменитаго Миллера по должности начальника архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ неустанно занимался разборкою и описаніемъ архивныхъ богатствъ. Однимъ изъ результатовъ такихъ его занятій явилось и «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі». Это сочиненіе не есть изслѣдованіе вопросовъ объ униі или чего-нибудь подобнаго, а только главнымъ образомъ собраніе важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи униі. Проще сказать, текстъ этого сочиненія есть извлеченіе изъ оглавленій или реестра различныхъ архивныхъ дѣлъ тѣхъ фактовъ, которые относятся къ исторіи униі. Въ дополненіе же къ этому сухому перечню фактовъ встрѣчаемъ какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, рядъ выписокъ изъ подлинныхъ документовъ; но эти выписки еще не исчерпываютъ всего богатаго матеріала. Конечно, какъ и значится въ оглавленіи книги, Бантышъ-Каменскій кромѣ главныхъ своихъ источниковъ пользовался еще нѣкоторыми сочиненіями и матеріалами, до исторіи униі относящимися, но не входящими въ составъ архивныхъ дѣлъ. Впрочемъ, извѣстія, заимствованныя изъ этихъ источниковъ, очень мало имѣютъ значенія въ сравненіи со взятыми изъ архивныхъ.

Изъ архивныхъ источниковъ главными для Бантышъ-Каменскаго служили безконечныя дѣла польскаго двора, содержаніе которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: постоянная переписка русскаго правительства съ польскимъ о всякихъ дѣлахъ; подробнѣйшія донесенія русскихъ посланниковъ въ Польшу; многочисленныя жалобы русскихъ людей на гоненія въ Польшу, при

чемъ пересчитывались всевозможные частные случаи для указанія на горькое ихъ положеніе; заботы правительства и мѣры, къ которымъ оно прибѣгало для защиты и облегченія положенія тамъ своихъ единовѣрцевъ. Въ донесеніяхъ пословъ и жалобахъ русскихъ людей можно встрѣчать записки объ униі. Даже по однимъ польскимъ дѣламъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ (не говоримъ о другихъ дѣлахъ того же архива, въ которыхъ можно встрѣчать отрывочныя, но важныя извѣстія объ униі), можно возстановить исторію униі и православной церкви въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Кромѣ того, извѣстія этихъ источниковъ не представляютъ случайностей; на примѣръ, въ нихъ не можетъ встрѣтиться, что мелочной фактъ описанъ подробно, а важнѣйшій пропущенъ. Наконецъ, дѣла польскаго двора, вѣроятно, только за немногими исключеніями, сохранились всецѣло.

Укажемъ на нѣкоторыя стороны содержанія польскихъ дѣлъ. Изъ польскихъ источниковъ мы можемъ узнать какое-нибудь сеймовое постановленіе о дѣлахъ диссидентовъ. Но въ дѣлахъ польскихъ находимъ кромѣ этихъ постановленій еще многое другое, чего, пожалуй, не отыщемъ ни въ какихъ источникахъ. Русскій посланникъ и многочисленныя его агенты слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось не только въ Варшавѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Польши. Они записывали и то, что дѣлалось не публично, кто чѣмъ руководился, кто кѣмъ былъ подкупленъ, какую роль во всемъ дѣлѣ игралъ король; они доставали себѣ переписку различныхъ лицъ о всякихъ дѣлахъ и т. п.

Но вотъ еще другая сторона польскихъ дѣлъ, а также и тѣсно связанныхъ съ ними нѣкоторыхъ другихъ архивныхъ, на примѣръ малороссійскихъ дѣлъ. Малороссійскіе историки очень любятъ разсуждать о политикѣ московскаго, а потомъ петербургскаго правительства по отношенію къ русскому вопросу въ польскихъ владѣніяхъ. Тутъ у нихъ слышатся упреки правительству за то, что оно даже не соблюдало видимыхъ своихъ интересовъ, выдавало врагамъ своихъ единовѣрцевъ и т. п. На примѣръ, они постоянно толкуютъ объ Андрусовскомъ мирѣ, что при заключеніи его русское правительство, руководствуясь близорукою политикой, оставило во владѣніяхъ Польши цѣлую половину Малороссіи. Но всѣ подобныя разсужденія нужно прини-

мать за бредъ, происходящій отъ разстроеннаго воображенія и полнѣйшаго невѣрѣнія основныхъ фактовъ исторіи. Въ этихъ упрекахъ правительству историки руководствуются свѣдѣніями, заимствованными ими изъ малороссійскихъ историческихъ сочиненій XVIII вѣка, — сочиненій по содержанію недостоверныхъ, а по направленію тенденціозныхъ. Замѣчательно вліяніе этихъ сочиненій. Хотя въ настоящее время малороссійскіе историки имѣютъ подъ руками довольно много достоверныхъ источниковъ, говорящихъ совсѣмъ иное, но они епѣшатъ извѣстія ихъ объяснять и подводить подъ основныя положенія, вычитанныя ими изъ какой нибудь «Исторіи Руссовъ», приписываемой Георгію Конисскому.

Въ заключеніе скажемъ о сочиненіи г. Кояловича по отношенію къ источникамъ, оставшимся намъ отъ дипломатовъ, администраторовъ, генераловъ и т. п. дѣятелей. О дѣлахъ политическихъ эпохи раздѣловъ Польши есть довольно серьезныя историческія сочиненія. Но такъ какъ авторы этихъ сочиненій, пользуясь политическими источниками, при составленіи своихъ трудовъ, имѣли въ виду совсѣмъ не дѣла церковныя, то извѣстія ихъ сочиненій могли служить для работъ г. Кояловича пособіемъ только случайнымъ. Да къ тому же самъ г. Кояловичъ, на основаніи своихъ источниковъ, иногда поднимаетъ такіе новые историческіе вопросы, отвѣты на которые можно отыскать только въ политическихъ источникахъ.

Г. Кояловичу очень часто приходится говорить о политикѣ и дѣйствіяхъ правительства императрицы Екатерины II на окраинахъ государства въ связи съ вышшею его политикой. Разсказывая, положимъ, о дѣятельности Георгія Конисскаго, г. Кояловичъ указываетъ, что тотъ хотѣлъ сдѣлать то-то и то-то; всѣ подобныя желанія бѣлорускаго архіерея вызывались необходимою, были притомъ вполне справедливы и въ интересахъ государства и церкви. За разрѣшеніемъ на тѣ или другія дѣйствія Георгій Конисскій долженъ былъ обращаться въ Синодъ; этотъ послѣдній иногда не могъ самъ разрѣшить просимое, не енесшись съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ. Но тутъ-то и встрѣчались препятствія. Православныхъ притѣсняють, архипастырь проситъ защиты и разрѣшенія на извѣстныя дѣйствія, а изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ получаютъ или объясненія ничего

не разрѣшающія или прямое запрещеніе, или наконецъ по цѣлымъ годамъ нѣтъ никакого отвѣта. Отъ всего этого дѣло страшно тормозится или даже идетъ назадъ.

Думаемъ, что если и лежитъ передъ нами рядъ подобныхъ даже неопровержимыхъ извѣстій, заимствованныхъ только изъ церковныхъ источниковъ, то все-таки на основаніи ихъ нельзя сдѣлать никакого заключенія о событіяхъ. Весьма было бы интересно знать, какъ эти событія были обставлены, почему правительство принуждено было иногда запрещать мѣстному бѣлорусскому архіерею дѣйствія, повидимому, клонившіяся только ко благу церкви и государства. Желательно было бы для этой цѣли заглянуть въ бумаги русскаго посланника въ Варшавѣ и бѣлорусскаго генералъ-губернатора; оба они принимали участіе въ дѣлахъ, о которыхъ говоритъ Георгій Конисскій, и имѣли о нихъ свое самостоятельное мнѣніе. Да кромѣ того, Георгій Конисскій, какъ человѣкъ сильно заинтересованный, и по ревности къ дѣлу не могъ хладнокровно смотрѣть, на самомъ мѣстѣ, дѣйствія на совершающіяся событія и выжидать благоприятныхъ обстоятельствъ. Онъ просилъ и ему принуждены были отказывать безъ всякихъ объясненій и даже устранивъ его отъ участія въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ. Но все это не значило, что тѣмъ обазывалось презрѣніе къ его заслугамъ; напротивъ, къ нему тотчасъ же снова обращались, когда его умъ, знаніе дѣла и ревность могли принести только одну пользу.

9 PEP 28-11

0-05.

20-0

II-36797p